

VII Международная научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины»

од эгидой Харьковского областного историко-археологического общества и Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина 28–29 октября 2010 г. состоялась VII Международная научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины».

Тезисы докладов на конференцию подали более 100 ученых из Украины, России и Болгарии. В работе конференции приняли участие специалисты крупнейших академических центров Украины: Киева, Харькова, Львова, Донецка, Одессы, Черновцов. Научная проблематика конференции получила отражение в докладах ученых из признанных «археологических» городов страны: Запорожья, Луганска, Николаева, Полтавы, Севастополя, Симферополя и др. Российские ученые представляли вузовские и академические центры, географически «тяготеющие» к современным украинским землям: Белгород, Брянск, Воронеж, Ростов-на-Дону, Ставрополь. *К началу работы конференции были изданы программа и тезисы докладов*¹.

VII Международная научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины» состоялась при активной поддержке Ассоциации выпускников, преподавателей и друзей Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Пленарное заседание конференции открыл декан исторического факультета ХНУ профессор С. И. Посохов. Он приветствовал участников форума и поздравил присутствующих с 15-летием Харьковского областного историко-археологического общества.

Научную часть пленарного заседания открыл *С. И. Берестнева (Харьков)*, выступивший с докладом «**К истокам культовой курганной архитектуры**». Автор рассмотрел проблему происхождения и назначения рельефных грунтовых сооружений — курганов, традиционно относимых к разряду погребально-поминальных объектов. По мнению С. И. Берестнева, в основе практики курганного строительства лежит идея человеческого жертвоприношения как средства установления контакта с потусторонним в природе. Создание курганной насыпи моделировало образ Мировой Горы как первоосновы Космоса, творимого из окружающего Хаоса, то есть возвращало Мир к моменту перво-творения. Периодическое обновление способствовало сохранению мироздания и позволяло преодолеть негативные, с точки зрения социума, явления. Таким образом, курган изначально представлял собой культовый объект, выполнявший функцию стабилизирующей структуры Космоса, и, по мнению автора доклада, не имел прямого отношения к погребально-поминальной обрядности.

В докладе *В. В. Крапивиной (Киев)* «**О святилищах Афродиты в Ольвии**» подчеркивалось, что ранее святилище Афродиты и Гермеса в Ольвии было зафиксировано только на Западном теменосе. Однако работы последних десяти лет позволили

¹ *Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.). — Х.: ООО «НТМТ», 2010. — 96 с.*

Сопредседатели правления Харьковского областного историко-археологического общества С. И. Посохов и С. В. Дьячков на открытии конференции (2010)

Научную часть пленарного заседания открыл С. И. Берестнев

автору доклада сделать вывод о том, что еще одно святилище Афродиты располагалось в юго-восточной части Верхнего города. Собственно святилище пока не выявлено. Тем не менее в пользу его локализации в данном районе Ольвии свидетельствует открытие здесь ботроса святилища Афродиты V в. до н. э. Обнаружены также следы металлообрабатывающей мастерской, которая, очевидно, была связана со святилищем. Здесь же выявлено домашнее святилище Афродиты, Гермеса и Матери богов конца II—второй четверти III вв. н. э., а также большое количество артефактов, связанных с культом Афродиты. Среди них В. В. Крапивина выделяет посвящения конца VI—начала V вв. до н. э., а также фрагменты мраморных статуэток богини конца IV—II вв. до н. э. и I в. н. э. В. В. Крапивина отметила, что юго-восточная оконечность Верхнего города топографически вполне соответствовала необходимым условиям для возведения здесь святилища Афродиты. Автор доклада выдвинула предположение, что в Ольвии конца VI—V вв. до н. э. культ Афродиты был столь же значителен, как и в архаическом Милете и классических Афинах, что обычно связывают с процессами консолидации полиса.

Весьма дискуссионной проблеме в истории средневекового Крыма был посвящен доклад *С. Б. Сорочана (Харьков) «К вопросу о времени создания фемы Климата»*. Автор предпринял очередную попытку определить год создания фемы Климата в Крыму и проанализировал точки зрения по данному вопросу В. Грюмеля, В. Тредголда и Ф. Винкельмана. С. Б. Сорочан в своих суждениях отталкивается от версии крымского исследователя М. Никифорова, который указывает, что рукоположение Иоанна Грамматика в тексте Продолжателя Феофана не может служить хронологическим ориентиром для определения времени создания фемы. Рукоположение Иоанна Грамматика не связано напрямую с остальным текстом источника, поэтому автор доклада отнес время строительства Саркела и преобразование архонтии в стратегию в Крыму к лету—осени 834 г. или к 835 г.

Заседания VII международной конференции «Проблемы истории и археологии Украины» в 2010 г. проходили в шести секциях: «Эпоха камня и палеометалла», «Ранний железный век», «История и археология Северного Причерноморья в античную эпоху», «История и культура античного мира», «Славянский мир и его соседи», «Византия и итальянские колонии в Северном Причерноморье». На рабочих заседаниях секций и в кулуарах конференции развернулись оживленные дискуссии и конструктивное обсуждение докладов.

«Эпоха камня и палеометалла» (руководители секции А. Д. Пряхин и С. И. Берестнев). На заседаниях секции было заслушано и обсуждено десять докладов. Работу секции открыл доклад *А. Д. Пряхина (Воронеж) «Изучение памятников покровского типа в российской и украинской археологии (90-е гг. XX в. — первое десятилетие XXI в.)»*. Докладчик акцентировал внимание на терминологической несогласованности в работах российских и украинских археологов, за которой кроются различные подходы к интерпретации весьма специфической группы памятников рубежа средней — поздней бронзы юга Восточной Европы. Диапазон мнений достаточно широк. О. А. Кривцова-Гракова, А. Х. Халиков рассматривают покровские памятники в контексте раннего периода срубной культуры. Ю. П. Матвеев считает их переходным этапом от доно-волжской абашевской культуры к срубной. Н. М. Малов, О. В. Кузьмина придают им статус самостоятельной культуры. В. В. Отрощенко считает памятники покровской группы одной из культур срубной общности — покровской срубной или покровско-мосоловской срубной, сформировавшейся на основе доно-волжской абашевской. Последнее мнение представляется докладчику на сегодняшний день предпочтительным, но, с учетом эталонного для этой группы памятников Мосоловского поселения, А. Д. Пряхин предложил использовать в дальнейшем термин «мосоловская срубная культура», отказавшись от используемого «среднедонская срубная культура».

В докладе *И. А. Снежко (Харьков)* «Палеоліт Харківщини: випадкові знахідки та прикрі помилки» были проанализированы случайные находки изделий эпохи позднего палеолита, поступившие в Харьковский исторический музей. География их распространения делает перспективными поиски новых палеолитических памятников за пределами их «традиционного» и хорошо известного специалистам ареала. В то же время, автор предостерегла от неправомерного отождествления мест обнаружения плейстоценовой фауны с палеолитическими объектами, что нередко наблюдается в изданиях краеведческой или научно-популярной направленности.

В докладе *А. Е. Кислого (Симферополь)* «Можливості археології як науки у моделюванні кризових явищ (до причин занепаду трипільської культури)» были поставлены под сомнение распространенные в современной науке причины упадка такого уникального социокультурного явления, как трипольская культура. По мнению докладчика, основная причина гибели культуры заключается не в отсутствии возможностей для ее дальнейшего развития, а в отсутствии потребности в таком развитии, поскольку имелись все условия для упрощенных моделей жизнедеятельности в природно-географическом контексте. Это соответствует первому закону демоэкономии, согласно которому ресурсы более высокого порядка при наличии ресурсов менее высокого порядка полностью использоваться не будут.

В возникшей по поводу доклада дискуссии *С. Д. Лысенко (Киев)* и *Ю. В. Буйнов (Харьков)* указали на неправомерность абсолютизации экономических факторов в развитии археологической культуры. Они указали на необходимость учитывать и экологическую составляющую.

Проблеме датировки древних рудоразработок на территории Бахмутской котловины был посвящен доклад *Ю. М. Бровендера (Алчевск)* «О времени прекращения функционирования Донецкого горнометаллургического центра эпохи бронзы». На основании анализа керамического материала памятников Картамышского рудопрооявления автор сделал вывод о прекращении использования рудников в XIII—XII вв. до н. э., что совпадает с финалом срубной культурно-исторической общности. Докладчик отметил, что убедительных свидетельств разработки упомянутых рудопрооявлений населением бондарихинской культуры, а также в начале раннего железного века не имеется.

Доклад *С. Н. Гапочки и А. М. Скоробогатова (Воронеж)* «О контактах населения лесостепного Дона и Левобережной Украины в неолите—энеолите» был посвящен проблеме контактов населения двух смежных территориальных регионов на ранних стадиях развития производящего хозяйства. Анализ массового керамического материала и кремневого инвентаря поселений позволил авторам прийти к выводу о том, что, начиная с неолита, фиксируются тесные контакты и взаимовлияние населения обоих регионов. Особенно выразительно это прослеживается в технологии производства и в особенностях орнаментации керамики.

В докладе *С. Н. Разумова (Киев)* «Наконечники стрел в погребениях эпохи бронзы Северного Причерноморья: вопросы терминологии» предложена унификация терминологии относительно интерпретации находок кремневых наконечников стрел в погребальных комплексах. Докладчик полагает, что наконечники, входящие в состав т. н. «производственных наборов» не могут быть отнесены к категории «предметы вооружения». Термин «колчаный набор» правомерен только в отношении компактного скопления наконечников (не менее 3-х) в пределах погребального сооружения. Наконец, наконечники, обнаруженные среди костей погребенного, предложено интерпретировать как «причину ранения», отказавшись от бытующего определения «причина смерти».

Доклад *С. Д. Лысенко (Киев), Д. П. Куштана (Черкассы), В. Б. Панковського (Киев) и В. Ф. Федько (Беспальче)* «Памятники малополовецкого типа в бассейне р. Супой» был посвящен предварительной характеристике памятников малополовецкого типа, выявленных в последние годы на территории Днепроовского

в
к
н
н
о
р
х
я
а
н
ч
у
н

Левобережья. Полученные материалы подтвердили синкретический характер этого культурного явления, сформировавшегося в результате взаимоналожения и взаимовлияния традиций бабинской, тшинецкой, срубной, сабашиновской культур. На поселении Фарбованое-3 в Киевской области зафиксировано сочетание малополовецкой керамики со срубной, а на поселении Беспальче-1 в Черкасской области в керамическом комплексе содержались фрагменты посуды бабинского типа. Технология изготовления костяных орудий (тупиков) с последнего памятника аналогична приемам, использовавшимся населением покровско-мосоловской срубной культуры.

Ю. В. Буйнов (Харьков) в докладе «К вопросу о генезисе памятников малобудковского типа финала бронзового века» критически проанализировал получившую в последнее время распространение гипотезу о формировании памятников типа Малые Будки—Бондариха на основе поздняковской культуры Волго-Окского междуречья. По мнению докладчика, это предположение несостоятельно, так как нет никаких свидетельств миграции поздняковского населения в Левобережную лесостепь, керамика не обнаруживает генетическую связь, не сопоставимы также погребальный обряд и традиции домостроительства. Напротив, материалы многих памятников Левобережной Украины и Среднего Дона демонстрируют совместное залегание керамики марьяновского, малобудковского и бондарихинского типов, что свидетельствует в пользу предположения о существовании марьяновско-бондарихинской линии этнокультурного развития.

В докладе **А. В. Корохиной (Киев)** «Керамічний комплекс поселення Іванівка—Майорів Бугор-2 на Сеймі та проблема формування бондарихинської культури» автор отстаивала положение о сосуществовании и контактах двух самостоятельных культурных групп — марьяновской и малобудковской. Последняя, по мнению А. В. Корохиной, генетически связана с традициями населения эпохи поздней бронзы Верхней и Средней Волги. На это указывают заметно различающиеся технические и композиционные элементы в орнаментации керамики, не имеющие общей подосновы. Как результат взаимодействия двух культурных групп рассматриваются синкретические марьяновско-малобудковские материалы поселения Малые Будки на р. Суле.

Ранний железный век (руководители секции Г. Н. Тощев и И. Б. Шрамко). На секцию было заявлено 16 тезисов докладов. На заседаниях секции 28–29 октября 2010 г. заслушано девять докладов.

Доклад **А. И. Бабенко (Харьков)** «К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского) кургана» был посвящен непростой судьбе находок из первого, раскопанного в 1763 г., скифского кургана. Автор осветил много новых и интересных моментов, связанных с передвижением предметов коллекции по территории Российской империи, а затем СССР. Часть экспонатов, в частности из фондов Харьковского исторического музея, считались утерянными.

З. Х. Попандоуло (Запорожье) в докладе «Женские погребения с оружием в могильнике “Скельки”» охарактеризовала погребальный обряд женских захоронений с оружием, обнаруженных на полностью раскопанном грунтовом могильнике. На современном этапе могильник «Скельки» — единственный грунтовый некрополь в Украине, в котором найдены погребения «амазонок». Автор связывает появление подобного обряда с сарматским влиянием.

Подробный анализ погребений архаического некрополя Ольвии прозвучал в докладе **Д. С. Гречко (Киев)** «К вопросу о выделении этнокультурных индикаторов среди погребального инвентаря архаического некрополя Ольвии». В программе конференции доклад был заявлен в секции «История и археология Северного Причерноморья в античную эпоху», но в силу специфики изучаемой проблемы и по согласованию сторон озвучен на секции «Ранний железный век». В качестве постановки вопроса основное внимание автор уделит определению индикаторов для выделения группы варварских погребений в некрополе Ольвии архаического времени.

Результаты новых археологических разведок в бассейне р. Псел освещены в докладе **В. В. Шерстюка (Полтава)** «Пам'ятки скіфського часу околиць Книшівського городища». В ходе работ 2009 г. полтавскими исследователями было зафиксировано современное состояние курганного некрополя у с. Броварки. В процессе разведок у с. Дудчанцы обнаружено поселение скифского времени и, впервые в пределах Попельской группы памятников, найдены синхронные грунтовые погребения, по-видимому, являющиеся частью могильника.

В докладе **А. В. Ромашко (Днепропетровск)** «Скіфські бронзові казани Північного Причорномор'я з вертикальними ручками» основное внимание уделено типологии одной из наиболее выразительных категорий материальной культуры скифов. Опираясь на наиболее полную выборку котлов с вертикальными ручками (45 экз.), автор наметила основные тенденции их территориально-хронологической эволюции.

Общую характеристику комплекса памятников Верхнего Подонья, состоящего из городища и ряда открытых поселений, предложил **Ю. Д. Разуваев (Воронеж)** в своем докладе «Ксизовский комплекс памятников скифского времени на Острой Луке Дона». На территории одного из них (Ксизово-19) обнаружен грунтовый могильник. Докладчиком уделено внимание хронологическому соотношению скифоидных и городецких культурных отложений.

В докладе «Бельское городище: основные этапы развития» **И. Б. Шрамко (Харьков)** обозначила и охарактеризовала периоды культурного развития одного из наиболее важных для хронологии скифских древностей памятника — Бельского городища. В докладе автор сделала акцент на времени сосуществования Западного и Восточного укреплений: на общих и различных чертах в материальной культуре, традициях домостроительства, культовой практике и прикладном искусстве.

В докладе «Зображення бойових сокир на антропоморфних стелах скіфського часу» **А. В. Шелехань (Киев)** проанализировал изображения боевых топоров в скифской иконографии с другими видами оружия, а также изучил соотношение ряда особенностей изображений с элементами погребальной обрядности.

К. Ю. Пеляшенко (Харьков) в докладе «Посуда в погребальной обрядности населения Днепро-Донецкой Лесостепи скифского времени: половозрастной и социальный анализ» сосредоточил свое внимание на закономерностях в традиции положения лепной посуды в погребальных комплексах и связанных с этим обрядом основных отличиях по полу, возрасту и социальному статусу.

История и археология Северного Причерноморья в античную эпоху (руководители секции В. В. Крапивина и А. П. Медведев). На секции были представлены 11 докладов.

Работу секции открывал доклад **Д. В. Бондаренко и А. И. Смирнова (Николаев)** «Основные направления дореволюционных исследований острова Березань». Авторы доклада проанализировали более 40 дореволюционных работ, посвященных Березани. Они предложили рассматривать эти работы в рамках двух групп: 1) исследования «кабинетного» характера (публикация лапидарных надписей и других артефактов, статьи, посвященные исторической географии, историографии и методологии); 2) публикации, связанные с полевыми исследованиями (отчеты о результатах путешествий и археологических работ на острове). Д. В. Бондаренко и А. И. Смирнов пришли к выводу, что основными достижениями дореволюционной науки в отношении исследований о Березани были открытие здесь поселения архаического и раннеклассического времени, определение его территории и хронологии.

Результаты недавних археологических исследований Ольвии были представлены в докладе **А. В. Ивченко (Киев)** «Два новых захоронения из некрополя Ольвии с позднехисскими амфорами». Помимо общей характеристики погребальных сооружений и инвентаря склепов № 4 и № 6, открытых в 2008 г. на раскопах «Северный мыс 2» и «Северный мыс 1» ольвийского некрополя, докладчик уделил особое внимание вопросу датировки данных захоронений. Датировочный материал, в том числе монетные

находки, позволил отнести склеп № 4 к последней трети II в. до н. э., а склеп № 6 — к концу II—рубежу II—I вв. до н. э. Было высказано предположение, что находки подобных амфор в склепах, отличающихся относительным богатством погребального инвентаря, свидетельствуют о том, что эта категория керамического материала может служить индикатором высокого социального статуса погребенных.

Несколько докладов было посвящено проблемам боспорской археологии. *А. П. Медведев (Воронеж)* в докладе «Склепы римского времени из раскопок некрополя Фанагории в 2005–2007 гг.» представил результаты археологических исследований центральной части Восточного некрополя Фанагории. На этом участке отрядом Воронежского государственного университета в 2005–2007 гг. были открыты 120 погребальных комплексов, содержащих свыше 150 человеческих захоронений римского времени. В докладе особое внимание уделено вопросу о погребальных сооружениях первых веков н. э., в частности грунтовыми склепам. Автор отметил, что начиная с рубежа н. э. в Восточном некрополе появляются нехарактерные для эллинов обрядовые особенности, обычно связываемые с сарматской или меотской погребальной традициями: положение кисти руки на нижнюю часть живота и перекрещенные в голенях ноги. Со второй половины II—начала III вв. н. э. распространение получает северная ориентировка погребенных, вместо ранее существовавшей южной. Особое внимание *А. П. Медведев* уделил презентации находок из исследованных погребений. В частности, были представлены предметы керамики, стеклянные сосуды, фибулы, пряжки и украшения, а также наиболее интересные терракоты из захоронений римского времени.

В докладе «Археологическое исследование памятника Заветное-V» *А. Г. Шепко (Донецк)* сообщила о результатах исследований поселения, расположенного в юго-восточной части Керченского полуострова, которое просуществовало с рубежа VI—V вв. до н. э. и до первой трети III в. до н. э. На территории памятника за годы археологических исследований, начатых в 1998 г., были заложены шесть раскопов, общая площадь которых превышает 1500 кв. м. *А. Г. Шепко* указала на то, что раскопы группируются в три участка, различающиеся по характеру и назначению. По словам *А. Г. Шепко*, археологические исследования Заветного-V позволяют сделать вывод о том, что этот памятник представлял собой сложный сельскохозяйственный комплекс, который динамично функционировал в V—первой трети III вв. до н. э.

На основании комплексного анализа археологических и письменных источников был построен доклад *С. Н. Прокопенко (Белгород)* «Развитие системы коммуникаций на хоре городов Боспора VI—первой трети III в. до н. э.». Исследователь обратил внимание, что на формирование системы коммуникаций раннего Боспора непосредственное влияние оказали природно-географические условия. *С. Н. Прокопенко* предложил рассматривать систему коммуникаций Боспора в рамках двух групп: сухопутные дороги и водные пути. В докладе автор предложил классификацию сухопутных дорог: 1) пути, связывающие античные центры и отдельные микрзоны на Боспоре; 2) дороги, обеспечивающие сообщение между городом и сельскими поселениями; 3) сеть дорог, соединяющих поселения с наделями.

Изучению отдельной категории артефактов был посвящен доклад *В. А. Меньшиковой (Ростов-на-Дону)* «Лепные курильницы с каннелюрами Большой греческой колонии Елизаветовского городища». Исследовательница отметила, что 15 курильниц с вертикальными каннелюрами, найденные на Елизаветовском городище, датируются концом IV — началом III вв. до н. э. и типологически сходны с аналогичными сосудами из погребальных комплексов Прикубанья этого же периода. При этом курильницы Елизаветовского городища, по мнению *В. А. Меньшиковой*, характеризуются синтезом элементов декора, свойственных для скифских, меотских и савромато-сарматских образцов керамики. В связи с этим докладчица в качестве гипотезы высказала предположение о скифо-савромато-меотском симбиозе в сложении образа

курильниц с каннелюрами и, вероятно, всего комплекса лепной керамики Большой греческой колонии Елизаветовского городища.

А. Г. Плешивенко (*Запорожье*) в докладе «Об «акрополе» Каменского городища» высказалась в пользу переосмысления роли и значения Каменского городища в истории Скифии, поставив под сомнение первоначальное определение его «акрополя» как резиденции скифских царей. Автор выдвинула предположение, что на месте «акрополя» Каменского городища существовал греческий эмпорий, основанный в IV в. до н. э. В пользу этой гипотезы исследовательница привела следующие аргументы: «акрополь» городища отличало каменное домостроительство и возведение оборонительных сооружений с использованием архитектурно-строительных приемов греческой культуры, богатство импорта и его количественное преимущество над местным материалом, удаленность от «ремесленной» территории и отсутствие производственных остатков.

Д. В. Грибанов (*Харьков*) в своем докладе «Греческое имя Эпикрат в ономастике боспорской аристократии» обратился к сложной проблеме семейных связей и социального положения греческой аристократии Боспора эпохи Спартокидов. На основании анализа эпиграфических источников IV—III вв. до н. э. докладчик предположил, что в этот период родовое имя Эпикрат использовалось преимущественно представителями одной из боспорских аристократических семей. По мнению Д. В. Грибанова, в IV — первой половине III вв. до н. э. семья Эпикратов-Синдов владела на Боспоре керамическим эргастерием, ее представители избирались на должности полисных магистратов, активно участвовали в горгипписких агонах в честь Гермеса и, возможно, входили в состав местных религиозных союзов.

В завершение работы секции выступил **С. В. Ярцева** (*Тула*) с докладом «Варвары Ахиллова Бега античного времени», в котором автор попытался локализовать известных из античной письменной традиции неких «тавро-скифов» Ахиллова Бега и определить их этническую принадлежность. С. В. Ярцев выдвинул предположение, что в районе Ахиллова Бега (Тендровская коса) постоянно базировалось некое специфическое варварское сообщество, представлявшее собой объединение выходцев из разных племен, занятых пиратством. Согласно высказанной гипотезе пираты, нападавшие на о. Левку в конце IV — начале III в. до н. э., принадлежали именно к этому сообществу, которое исследователь отождествил с «тавро-скифами», упоминавшимися позднейшими античными авторами.

«История и культура античного мира» (руководители секции А. Г. Бандровский и С. Д. Литовченко). На заседаниях секции выступили 13 докладчиков.

И. В. Зайцева (*Белгород*) в докладе «Элементы античной религии в трактовке Климента Александрийского» затронула отношение христианского автора к религиозному сознанию, религиозной деятельности и религиозным отношениям язычников. Религиозное сознание язычников, по мнению Климента, являлось полным заблуждением. К религиозной деятельности почитателей античных культов Климент относил все виды мистерий, жертвоприношения и иные действия, связанные с поклонением язычников своим богам. Значительное место он отводил знакомству с различными видами мистерий. Так, Климент упоминает мистерии Афродиты, Аттиса, Деметры, Кибелы, корибантов, Сабазийские мистерии и ряд других. Изначально самое большое негодование у данного автора вызывали оракулы, которые, по его мнению, являлись «нечестивыми святилищами и полной обмана пастью бездны». В этой связи он говорит о необходимости просвещения людей. Таким образом, по мнению И. В. Зайцевой, Климент отрицал античный образ жизни в целом и религию в частности, но принимал некоторые аспекты культурного наследия античности, не связанные с религией.

В докладе **А. А. Янко** (*Полтава*) «Форми власності на землю в етрусків» была рассмотрена специфика земельных отношений у этрусков. Существование на протяжении VIII—V вв. до н. э. храмовой и царской форм собственности на землю у этрусков подтверждают различные источники. Эти формы собственности были

уничтожены на протяжении V в. до н. э., скорее всего, из-за упразднения царской власти. На это косвенно указывают данные Сервия Зонары. Подтверждением существования наследственной собственности на землю у этрусков являются надписи на межевых камнях IV—II вв. до н. э. Очевидно, они означают особую категорию земель, которые принадлежали этрусской общине и выделялись семье для строительства на них гробниц. Следовательно, у этрусков этого периода можно проследить существование двуединой (античной) формы собственности на землю, когда собственником отдельной парцеллы мог быть только полноправный гражданин города-государства.

Доклад *С. С. Казарова (Ростов-на-Дону)* «Царь Пирр и Додона» был посвящен вопросу о взаимоотношениях выдающегося греческого полководца царя Пирра и Додонского оракула, имевшего общегреческое значение. Эта проблема помогает изучить ту роль, которую царь Эпира в процессе создания и укрепления монархии эллинистического типа отводил Додоне. Данные источников свидетельствуют о тесных связях между царем Пирром и Додонским оракулом. С одной стороны, Додона, утратившая свою главенствующую роль общегреческого святилища и отошедшая на второй план в связи с усилением роли Дельфийского оракула, стремилась к повышению своего престижа. С другой стороны, царь Пирр, создававший монархию эллинистического типа, для сакрализации своей власти нуждался в покровительстве авторитетного общегреческого святилища, которым ранее являлась Додона.

В сообщении «Боевые слоны в армиях Баркидов (241–202 гг. до н. э.)» *А. И. Козак (Черновцы)* обратил внимание на боевое применение слонов карфагенскими полководцами в эпоху Баркидов. Пунийские военачальники формировали и пополняли свой слоновий корпус африканскими животными. Согласно описаниям Полибия и Фронтину, по-настоящему эффективную схему боевого использования слонов карфагенянам продемонстрировал Ксантип, который с их помощью наголову разбил римского консула Регула у Багады. Тактические схемы применения боевых слонов Баркидами имели ряд отличий. Обычно слонов помещали по всей протяженности собственного строя и направляли против рядов вражеской пехоты. Новаторским было использование Ганнибалом слонов для штурма вражеских укрепленных лагерей.

Е. В. Литовченко (Белгород) выступила с докладом «К вопросу о структуре менталитета римской интеллектуальной элиты позднеантичного времени». Автор отметила, что для понимания сущности менталитета большое значение имеют представления о его структуре, которую образуют «картина мира» и «кодекс поведения», основанный на конкретном варианте мировидения. Римская система ценностей сложилась в период республики, как набор таких моральных понятий, как: «Gravitas», «Pietas», «Virtus», «Fides», «Honor». В период империи смысловое наполнение и иерархия добродетелей меняется. На первое место выходит «Honor», «Pietas» сохраняет свои позиции, а «Virtus» и «Gravitas» утрачивают свое значение. Однако в позднеимперскую эпоху снова происходит возврат к «старым римским ценностям» в среде образованной аристократии, которая перед лицом внешней опасности видела реальную пользу в сохранении лучших римских традиций. Брошенные центральной администрацией на произвол судьбы, аристократы в провинции, вынуждены были брать в свои руки защиту городов от нападений варваров.

В докладе *О. М. Петречко (Дрогобыч)* «Римське суспільство і superstitio у II ст. н. е.» были рассмотрены представления римлян II в. н. э. о superstitio. Докладчик указал, что Л. Янссен отмечает, что если для нас суеверие не является чем-то опасным, то римляне воспринимали его по-другому. Джон Шайд, опираясь на данные Плутарха, так описывает представления римлян: суеверные люди полагают, что боги злы и завистливы, и поэтому испытывают к ним страх. Суеверия были присущи представителям всех слоев римского общества, в том числе и императорам. Так, Нерон лично участвовал в устроженных магами обрядах. Суеверными были и императоры II в. н. э. Завоевание Римом новых территорий неизбежно создавало проблему сосуще-

ствования с иноземными верованиями. Римляне считали чужеземные (восточные) верования суевериями и поэтому видели в них причины для смут. По мнению автора доклада, одним из них было христианство, которое было больше чем *superstitio*, так как новая религиозная община могла превратиться в *coniuratio*, опасную для государства. Другими словами, в глазах римлян христианство было реальной угрозой для существования традиционного общества.

С. Д. Литовченко (*Харьков*) в докладе «Царство Софена в восточной политике Помпея» отметил, что мероприятия Гнея Помпея по упорядочению ситуации на Востоке касались не только организации новых римских провинций, но и территориальных изменений эллинистических монархий, принятых в дружественный союз с Римом. Одной из наиболее спорных территорий можно признать армянское царство Софена, история которого в середине I в. до н. э. остается предметом дискуссий. По мнению С. Д. Литовченко, судьба Софенского царства после 66 г. до н. э. может быть реконструирована с достаточной достоверностью. Можно утверждать, что Софена, как и Гордиена, была возвращена Тиграну II, о чем содержится намек в сообщении Диона Кассия. О принадлежности царства к Великой Армении свидетельствуют и письма Цицерона, который рассматривает Евфрат как границу между Каппадокией и Великой Арменией. Передача Софенского царства Тиграну II демонстрирует стремление Помпея укрепить положение армянского монарха — нового «друга и союзника римского народа» и указывает на важность Великой Армении в новом римском устройстве малоазийского региона.

В докладе «Пропаганда Октавиана накануне Актийской битвы и “республиканизм”» **А. Н. Токарев** (*Харьков*) поставил вопрос о соотношении «республиканизма» и «традиционализма» в пропаганде Августа в конце 30-х гг. до н. э. Многие ученые рассматривают мероприятия Октавиана этого времени как «республиканские» акции, которые, якобы, вызывали большой резонанс в римском обществе. Например, «республиканские» черты находят в иллирийском походе Октавиана (35–33 гг. до н. э.), в эдилитете Агриппы и широкой строительной деятельности ближайшего соратника Августа, в лояльности приемного сына Юлия Цезаря к «национальной» религии, в строительстве мавзолея Августа и др. В этих суждениях налицо смешение понятий «республиканизма» и «традиционализма». Исследователи подменяют традиционные представления, характерные для всех римских политиков, идеологическими представлениями «оптиматов». Автор доклада подчеркивает, что на самом деле в своей пропаганде в конце 30-х гг. до н. э. Октавиан не использовал «республиканских» лозунгов, характерных для сторонников *libera res publica*, он опирался на традиционные римские ценности.

К. Ю. Нефедов (*Харьков*) в докладе «Селевк Никатор, Стратоника и династия Аргеадов» обратился к довольно неординарному поступку основателя династии Селевкидов Селевка Никатора, который, вступив в брак в 299 г. до н. э. с дочерью Деметрия Полиоркета Стратоникой, через несколько лет официально отдал ее в жены старшему сыну Антиоху. Ни античные авторы, ни современные исследователи не дали этому событию рационального объяснения. К. Ю. Нефедов полагает, что «передача» супруги сыну связана с родственными отношениями между их династией и Александром Македонским. Мотивы становятся очевидными, если принять во внимание родословную Деметрия и его дочери. Как показал Р. Биллоуз, мать Деметрия имела родственные отношения с династией Аргеадов. Следовательно, женившись на дочери Полиоркета, Селевк становился причастным к македонскому царскому дому, что было весьма важно для правителя, контролировавшего большую часть бывшей империи Александра. Таким образом, огромную роль играла наследственная легитимность македонского царского рода, на что исследователи часто не обращают внимания.

Доклад **О. М. Ильиной** (*Харьков*) «Культе Понтийской Матери богов в официальном пантеоне ионийских полисов Западного Понта в I в. до н. э.—III в. н. э.» посвящен культу Понтийской Матери богов в Аполлонии, Одессо, Дионисополе, Томи и Истрии. Изучение этого культа затрагивает важные проблемы античной истории

и культуры — проблему происхождения основных образов античной религии и мифологии и их эволюции, проблему религиозного синкретизма, проблему взаимоотношения восточных верований и античной религии, синкретичной римской религии и христианства. Почитание культа богини в ионийских полисах Западного Понта имело официальный характер. Очевидно, популярности Понтийской Матери богов способствовало не только сохранение традиционных функций, иконографии, но и приобретение новых ипостасей, особенности отправления культов, синкретизации с местными фракийскими божествами, которая происходила в результате тесных и длительных связей с фракийскими племенами.

В докладе *А. Г. Чередниченко (Белгород)* «Язык критского линейного письма как реликт первобытного языкового континуума» была дана общая оценка происхождения языка линейного письма А. Первобытный языковой континуум Старого Света стал распадаться на формирующиеся языковые семьи во второй половине IV тыс. до н. э. Достоверных лингвистических фактов выделения индоевропейских языков из первобытного языкового континуума до рубежа III—II тыс. до н. э. не наблюдается. Но общеисторические соображения позволяют датировать обособление и.-е. праязыка из первобытного языкового континуума все же концом IV и началом III тыс. до н. э. С XVIII в. до н. э. появляются памятники старохеттского языка, лувийских диалектов, языка линейного письма А на Крите. Типологическое сходство слогоморфемной структуры слова, фонетической системы и слогового письма санскрита и линейного А неслучайно. Это — сходство двух исконно родственных разных хронологических праязыковых состояний, имевших, вероятно, общего протоязыкового предка. Язык (диалекты), передаваемый линейным письмом А, происходил из того же источника, что и праиндоирано-дардо-кафирский, праармянский, праалбанский, но не дал жизнеспособных продолжений и исчез во второй половине II тыс. до н. э.

А. Б. Акимов (Харьков) выступил с докладом «Муниципальная аристократия римской провинции Дакия». Автор подчеркнул, что Дакия выделяется среди других дунайских провинций весьма значительным уровнем урбанизации. В ней насчитывалось 11 колоний и муниципиев, что довольно много для окраинной провинции. По мнению докладчика, муниципальная элита Дакии фактически контролировала экономическую, социально-политическую и идеологическую жизнь провинции. Все это позволяет считать муниципальную знать важнейшей частью общества римской Дакии, во многом определявшей его функционирование и развитие.

А. Г. Бандровский (Львов) посвятил доклад «Формування зовнішньополітичного курсу Римської імперії (Август та Тіберій)» анализу основ внешней политики Римской империи при Августе и Тиберии. Автор отметил, что принципиально новым в римском государстве стала ключевая роль принцепса при формировании стратегии и совершении конкретных внешнеполитических мероприятий. Проведение внешней политики, ведение войны и заключение договоров теперь зависело от воли императора. Политика первых принцепсов носила агрессивный наступательный характер, но основные тактические задачи были поставлены только в конце I в. до н. э. (около 15 г. до н. э.). Походы в конце I в. до н. э. привели к определению основных объектов завоевательной политики, которыми стали Германия и Паннония. Автор доклада подчеркнул, что внешняя политика Тиберия и его методы руководства провинциями были рациональными и высокоэффективными. В целом Тиберий продолжал традиции последних лет принципата Августа. Этим принципам придерживались и последующие императоры.

На секции «Славянский мир и его соседи» (руководители секции В. В. Колода и В. В. Майко) было заслушано 17 докладов. По мнению *В. В. Скирды (Харьков)*, выступившего с докладом «Определение этнической принадлежности средневековых памятников на I—VII археологических съездах», проблема определения этнической принадлежности средневековых археологических памятников в период работы I—VII съездов широко обсуждалась, но к концу XIX в. не была решена. В. В. Скирда

подчеркнул, что, несмотря на более чем вековой период развития науки, проблемы выделения этнических критериев остаются одними из наиболее актуальных.

М. В. Любичев (Харьков) в докладе «Погребения и отдельные находки эпохи Великого переселения народов из археологического комплекса Войтенки 1 (Восточная Украина)» осветил проблемы культурно-хронологических критериев древностей черняховской культуры и отражению в них исторических реалий восточноевропейского населения позднеримского времени. Значительное внимание М. В. Любичев уделил и методике полевых и теоретических исследований. **К. В. Мызгин (Харьков)** посвятил свой доклад «Монетно-вещевые клады на территории черняховской культуры» важному аспекту изучения нумизматики и культуры черняховского населения второй четверти I тысячелетия. Автор использовал материалы 14 монетно-вещевых кладов, обнаруженных на территории черняховской культуры. К. В. Мызгин выделил четыре типа упомянутых кладов. Анализ состава кладов и других обстоятельств позволил автору прийти к выводу о том, что монетно-вещевые клады черняховского населения являлись своеобразными сокровищницами и не участвовали в зарождающихся товарно-денежных отношениях.

В докладе «К вопросу о римских провинциальных монетах в ареале черняховской культуры» **Г. В. Бейдин (Харьков)** изучил материалы 42 пунктов находок римских провинциальных монет, сделанных в ареале черняховской культуры. По мнению автора доклада, анализ мест чеканки провинциальных римских монет позволяет сделать предположение о местах расселения племен, принимавших участие в готских походах на Балканы и Малую Азию.

В докладе **В. В. Колоды (Харьков)** «Селище Мохнач-П в раннесредневековой поселенческой структуре городища Мохнач» были освещены основные итоги исследования нового ремесленного центра лесостепной Хазарии, призванного обеспечить предметами быта и сельскохозяйственным инвентарем значительную округу Мохначанского городища. В докладе **В. С. Аксенова (Харьков)** «Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры (по материалам раскопок 2000–2009 гг.)» была предложена типология и относительная хронология погребений всадников Нетайловского могильника. Анализ 21 погребения позволил автору выделить три типа погребений всадников третьей четверти VIII—середины IX вв. Автор пришел к выводу, что Нетайловский могильник оставлен некой группой тюрко-угорского населения, исходным пунктом миграции которого были степи между Волгой и Доном. В сообщении **А. А. Лаптева (Харьков)** «Новый кремационный могильник салтовской культуры у с. Кицевка Печенежского р-на Харьковской области» прозвучала информация относительно современного состояния нового памятника, открытого у с. Кицевка. Автор вновь обратился к актуальным вопросам охраны археологического наследия Харьковщины. **М. В. Ельников (Запорожье)** в докладе «Культурное захоронение салтово-маяцкой культуры из Нижнего Поднепровья» представил анализ необычного салтовского захоронения, выявленного на могильнике золотоордынского времени «Мамай-Сурка» в Среднем Поднепровье. Доклад **В. В. Майко (Симферополь)** «Прабогарское население VII—первой половины X вв. в с. Солнечная Долина в юго-восточном Крыму» ознакомил с материалами изучения малоисследованной группы салтовских степных памятников Крыма, сосредоточил внимание слушателей на проблемах заселения болгарами полуострова.

В докладе **В. Г. Ивакина** «До питання про наявність інвентаря в елітних похованнях давньоруського Києва (XI—XIII ст.)» были проанализированы материалы элитных погребений XI—XIII вв. По мнению автора доклада, наличие богатого сопровождающего погребального инвентаря свидетельствует не столько об устойчивости языческих традиций, сколько о высоком социальном статусе погребенного. **С. П. Тараненко** в своем докладе «До проблем історичної топографії давньоруського Подолу Києва» большое внимание уделил определению места киевской пристани

древнерусского периода. Основываясь на данных разнообразных источников, автор доклада локализует древнюю пристань в природной гавани, образованной речкой Почайна между современными улицами Боричев спуск и Почтовая площадь. На анализе обработки рога в древнерусском летописном городе Воишь было сосредоточено внимание участников конференции в добротню иллюстрированном докладе *М. С. Сергеевой* «Рогообработка в Воинской Гребле». По мнению автора исследования, косторезное ремесло в древнерусском городе Воишь применялось как вспомогательный вид производственной деятельности.

Обзорный доклад *И. В. Голубевой (Харьков)* «Сучасні археологічні дослідження Харківської фортеці та її околиць» затрагивал актуальные проблемы изучения исторической топографии и хронологии средневековых древностей на территории Харькова. По мнению автора доклада, продолжение археологических исследований на территории современного города имеет вполне конкретные научные перспективы.

Совместный доклад *А. Б. Суфруненко* и *С. В. Маевской (Полтава)* «Золотоординське поховання у пониззі Псла» познакомил с материалами захоронения свободной молодой женщины (16–18 лет), вероятно, из состоятельной семьи кочевников. Погребение датируется второй половиной XIII—началом XIV вв. В докладе *Е. А. Шкробитько (Донецк)* «Из истории основания Святогорского Свято-Успенского пещерного мужского монастыря» были проанализированы различные гипотезы, посвященные причинам и времени основания монастыря.

В докладе *А. Н. Желтобородова (Харьков)* «Сербы на службе в Слободских полках» была подана информация об этнических сербах, проходивших службу в Слободских гусарских полках в 60–70 гг. XVIII в. Автор подчеркивает большую роль, которую сыграли офицеры-сербы (численно уступавшие только украинцам) в повышении боеспособности Слободских гусарских полков.

Византия и итальянские колонии в Северном Причерноморье (руководители секции С. Б. Сорочан, Н. Н. Болгов, Н. А. Алексеенко). Программа секции была представлена на 13 докладами.

В докладе *М. В. Пархоменко (Харьков)* «К вопросу о локализации больницы в Византийском Херсоне» были высказаны соображения о возможном месте локализации больницы в раннесредневековом Херсоне. Докладчица привела ряд дополнительных свидетельств в пользу предположения С. Б. Сорочана о том, что херсонская городская больница находилась на месте большого архитектурного комплекса V—VI—X вв. у 13-й куртины возле Южных («Мертвых») ворот. В частности, она обратила внимание на упоминание в отчете К. К. Косцюшко-Валюжинича шести «высоких столбиков, из очень большого и толстого кирпича», установленных по периметру полукруглой ниши, устроенной в западной стороне самого большого (ок. 180 кв. м) из помещений здания предполагаемой больницы. На основании аналогий, проведенных со строениями больниц в других регионах Византийской империи, было высказано предположение, что эти столбики могли быть оградой очага и опорой для полукупола с вентиляцией.

М. В. Фомин (Харьков) в докладе «О елее в раннехристианской погребальной традиции» сосредоточил внимание на использовании елея в указанный период, рассматривая херсонский археологический материал в широком сравнительном контексте с другими регионами распространения раннего христианства. Он предположил, что стеклянные сосуды, найденные в 12 % погребальных сооружений Херсонского некрополя служили прежде всего вместилищами освященного масла, использовавшегося при таинстве маслособорования умиравшего. Исчезновение сосудов с елеем из херсонских погребений приходится на середину VII в., что, по мнению докладчика, связано с дефицитом ароматических масел в это время, возникшим вследствие потери империей Месопотамии, Сирии и Египта. С этого времени помещерие сосуда с освященным маслом в погребение было заменено помазанием тела умершего.

Доклад *Н. Н. Болгова* и *А. Ю. Рышковой* (*Белгород*) «Св. Матрона Пергская (V в.) и ее житие» посвящен интереснейшему агиографическому памятнику. Житие написано до середины VI в. и сохранилось в рукописи XI в. Время рождения святой относят приблизительно к 430 г., а смерти — к 510–515 гг. Опровергая излишне скептическое мнение И. Деле о весьма сомнительной ценности текста, написанного монахом монастыря Бассиана исключительно на основании устной традиции, Н. Н. Болгов привел ряд соображений, показывающих, что автор использовал при написании также письменные источники. Благодаря этому, Житие Матроны предоставляет отдельные уникальные свидетельства о повседневной жизни Константинополя V в.

А. М. Болгова и *О. А. Харченко* (*Белгород*) посвятили свой доклад «Ритор Харикий Газский и ранневизантийская высшая школа» биографии и малоизученному творческому наследию ритора Харикия Газского (ок. 500–590 гг.), ученика Прокопия Газского и наследника его кафедры в Газе. А. М. Болгова в сохранившихся речах Харикия изучила важнейшие свидетельства по истории церкви и образования в ранневизантийской Газе. Исследовательница отметила значение классической риторической школы города в деле подготовки не только местных муниципальных чиновников, но и представителей клира, причем как самой Газы, так и всего Палестинского региона.

«Образ “чужого” в трактате Константина VII Багрянородного “De administrando imperio”» был проанализирован в докладе *Д. С. Гордиенко* (*Киев*). В этом произведении нашло отражение традиционное для ромеев пренебрежение к иноплеменникам, однако есть в нем и противоположные свидетельства. К примеру, среди печенегов выделено племя кангар, которых венценосный автор наделял такими качествами, как благородство и мужественность, а вождь печенегов Леведия характеризовался как благородный, разумный и прославленный муж. В целом образ «чужого» в трактате предстает не обобщенным, а весьма конкретным относительно того или иного упоминаемого этноса, поскольку каждый из них играл определенную роль в контексте внешней политики империи.

В представленном *Я. Ю. Иваницкой* (*Белгород*) докладе «Идея приснодевства в иконографии Богоматери в Ранней Византии» рассмотрена эволюция знаков на мафории — крестов и звезд — символизовавших идею девства Марии до, во время и после Рождества Христова. Исследовательница выделила три этапа эволюции этих символических изображений, совпадающие с основными периодами развития византийского искусства: VI—начало VIII вв., когда Богоматерь изображалась либо вовсе без креста, либо лишь с одним крестом на челе; конец IX—XII вв., когда изображения креста помимо чела появляются на плечах, запястьях, локтях и коленях; и XIII в. и далее, когда кресты постепенно были заменены звездами. В последний период окончательно определяется их количество в числе трех. При этом, как отметила докладчица, изображавшиеся знаки не всегда могли быть именно символами приснодевства.

В докладе *Н. А. Алексеенко* (*Севастополь*) «Новый моливдул Самуила Алусиана, византийского полководца второй половины XI в.» рассмотрен новый сфрагистический памятник, хранящийся в частной коллекции. На основании анализа ситуации, сложившейся в византийской армии в последней трети XI в. и комплексного рассмотрения всех известных на данный момент печатей Самуила Алусиана, Н. А. Алексеенко уточнил *cursus honorum* полководца, согласившись с обоснованной датировкой В. Златарски. Последний полагал, что печати Самуила датируются временем не ранее 1069 г., когда он был назначен главнокомандующим имперских войск в Армениаке, и не позднее 1071 г., когда после смерти Романа IV Диогена был отстранен от должности.

К. Ю. Бардола (*Харьков*) в докладе «Принципы византийского налогообложения» предпринял попытку сформулировать основные принципы налогообложения в Византийской империи в контексте достижений современной экономической теории. Автор пришел к выводу, что византийской налоговой политике были присущи многие принципы

С. В. Дьячков (слева) дает пояснения участникам конференции (В. В. Майко, И. В. Голубева, А. В. Шелехань)

(Харьков) «Византийская “торговля с врагом” в VIII—X вв.: государственный контроль за внешнеторговыми сношениями с арабами сквозь призму “трапезундского инцидента”» шла речь об известном из Жития Георгия Амастридского (ум. в 807 г.) инциденте в Трапезунте, когда амастридские купцы, по обвинению «общественных доносчиков» в некоем правонарушении, были заключены стратигом в государственную тюрьму в ожидании смертной казни, и лишь чудодейственное вмешательство святого позволило спасти их от наказания. Рассмотрев дискуссионные мнения историков на природу правонарушения, в котором обвинили торговцев, докладчик пришел к выводу, что таковой была либо попытка вывоза запретных товаров за рубеж, либо какие-то действия в пользу противника, к примеру, передача секретных сведений. Пристальное внимание к международной торговле в приграничном регионе со стороны военной администрации было в такой обстановке вполне закономерным и позволяло обеспечить условия, исключающие возможность шпионажа и вредительской деятельности со стороны иноземцев, а также предотвратить вывоз за пределы государства запрещенных товаров.

А. И. Кузь (Черновцы) посвятил свой доклад «О внутренней структуре генуэзских гарнизонов Крыма в первой половине XV в.» вопросам состава и внутренней структуры вооруженных сил Генуи в Крыму в указанный период. По мнению докладчика, костяком гарнизонов крепостей в Каффе, Солдае и Чембало была пехота (соции и баллистари). Ее организация осуществлялась по десятичной системе, в которой самой малой тактической единицей был десяток (декурия), а самой большой — 40 солдат — квадриганта, которую возглавлял капитан, комендант или подкомендант. Хуже известна организация конницы (оргузиев), отряды которой в разных крепостях имели разную численность: Каффа — 20, Солдае — 8, Чембало — 4, в связи с чем провести какую-либо унификацию их организации сложно. Докладчик предположил, что наименьшей тактической единицей конницы был отряд из 4 оргузиев. В отличие от пехотинцев конники не имели единого руководства и подчинялись в Каффе консулу и капитану, а в Солдае и Чембало — комендантам крепостей.

С. В. Дьячков (Харьков) в докладе «О метательном оружии генуэзского гарни-

налогообложения, на которых и сегодня базируется налоговая политика современных государств. В частности, он выделил такие принципы, как «законность» и «справедливость», которые по-разному трактовались в зависимости от конкретной ситуации. Принцип «удобства» предполагал рационализацию процесса сбора налогов в интересах налогоплательщиков. Принципы «определенности» и «всеобщности» не всегда учитывались императорами. В то же время исследователь отметил, что государство нередко использовало налогообложение в качестве средства достижения социальной стабильности в обществе, что вело к нарушению принципов «нейтральности» и «гармонизации».

В докладе А. Н. Домановского

зона **Чембало**» несколько расширил заявленную ранее тему своего доклада, в котором предполагался анализ «каменей-пращевиков». Автор собрал имеющиеся ныне археологические данные, а также косвенные письменные источники, свидетельствующие, что, наряду с огнестрельным оружием, гарнизон крепости по-прежнему широко применял различные виды метательного оружия. Среди них С. В. Дьячков выделил метательную артиллерию (требуше и баллисты) и личное метательное оружие (праща, лук, арбалет, дротик), стоявшие на вооружении гарнизона генуэзской крепости.

Исследованиям Чембало был посвящен доклад *Е. Н. Столяренко (Харьков)* «Об организации водоснабжения и канализации консульского замка и припортового района крепости Чембало XIV—XV вв.». Автор доклада обратил внимание на рациональную организацию водоснабжения крепости. Источником являлся родник, расположенный в верховьях балки Кефало Вриси («Голова источника»), из которого по керамическим трубам вода самотеком поступала на территорию консульского замка и припортового района крепости. Здесь она собиралась в две цистерны. Одна из них находилась на первом этаже донжона — главной башни консульского замка и города Св. Николая, вторая же — в башне № 6 в портовой части города. В цистерну башни № 6 вода поступала по системе керамических водопроводных труб. Участок водопровода длиной более 3,5 м обнаружен *in situ* у южной стены башни.

Канализационная система Чембало состояла из открытых водостоков и ватеркловзетов. Остатки сливного туалета и водосточного канала длиной ок. 4 м были обнаружены у южной стены башни № 8. Согласно распространенной в Западной Европе практике, водосточные каналы выводились в крепостные рвы за пределы крепости сквозь оборонительные стены.

Участники конференции (2010 г.) в Музее истории университета

Слева направо: Н. А. Алексеенко, Ю. Д. Разуваев, Д. С. Гречко, И. В. Голубева, В. В. Колода, О. Н. Петречко, И. В. Зиньковская, А. Д. Пряхин, К. Ю. Пеляшенко

Участники конференции 2010 г. в Музее истории университета.
Дискуссия в кулуарах: А. Б. Супруненко, В. С. Аксенов, В. В. Скирда

В рамках VII Международной научной конференции «Проблемы истории и археологии Украины» 29 октября в Музее истории университета состоялась традиционная ежегодная презентация находок полевого сезона (2010 г.).

Экспозиция выставки содержала результаты работ археологических экспедиций высших учебных заведений, музеев и научно-исследовательских центров Харькова. Проблематика экспозиции выставки-презентации имела широкий хронологический диапазон от палеолита до позднего средневековья. Участники конференции, посетители музея, студенты университета и представители средств массовой информации ознакомились с находками из раскопок разнообразных археологических памятников. Руководители экспедиций рассказали об итогах полевого сезона и ответили на вопросы посетителей выставки.

И. А. Снежко (*Харьковский исторический музей*) представила находки из раскопок позднепалеолитической стоянки у с. Каменка Изюмского района.

К. В. Мызгин (*Германо-Славянская археологическая экспедиция ХНУ имени В. Н. Каразина*) рассказал о продолжающихся исследованиях поселения и могильника Войтенки 1, поселения Новоберекское позднеримского времени и начала Эпохи великого переселения народов.

В. В. Колода (*Экспедиция ХНПУ им. Г. С. Сковороды*) представил результаты работ в раскопе-Х на городище Мохнач Змиевского р-на.

В. И. Квитковский (*Слобожанская раннесредневековая археологическая экспедиция Харьковского гуманитарно-педагогического института*) проводил исследования многослойного поселения Пятницкое-1 в Печенежском районе.

В. С. Аксенов (*Совместная экспедиция Харьковского исторического музея и Харьковской городской академии культуры*) доложил о работах на раннесредневековом могильнике салтовской культуры у с. Матайловка Волчанского района. Он же рас-

сказал о работах экспедиции Харьковского исторического музея и ХНУ имени В. Н. Каразина на катакомбном могильнике у с. Верхний Салтов Волчанского района.

А. Н. Домановский (Экспедиция «Цитадель», ХНУ имени В. Н. Каразина) рассказал о продолжающихся исследованиях застройки цитадели Херсонеса Таврического.

С. В. Дьячков (Экспедиция «Чембало» ХНУ имени В. Н. Каразина и Национальный заповедник «Херсонес Таврический») представил находки из раскопок башни № 6 генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.), расположенной в Балаклаве.

Отдельным блоком на выставке были представлены результаты работ ГП ОАСУ «Слободская археологическая служба» и ХНУ имени В. Н. Каразина (руководитель **И. Б. Шрамко**). Среди них артефакты из раскопок *Западного укрепления Бельского городища* (с. Бельск Котелевского района Полтавской области); *курганного могильника «Кумы»* (с. Кумы Красноградского района Харьковской области) и *поселения «Новоселовка» скифского времени* (с. Новоселовка Нововодолажского района Харьковской области). Научный сотрудник «Слобожанской археологической службы» **И. В. Голубева** представила результаты раскопок *Цареборисовской крепости* (с. Красный Оскол Изюмского района Харьковской области), а **К. Ю. Пеляшенко** презентовал работы на *Циркуновском городище* позднескифского времени (с. Циркуны Харьковского района Харьковской области).

На заключительном пленарном заседании конференции В. В. Крапивина презентовала новейшие уникальные находки из раскопок Ольвии последних сезонов. Руководители секции А. Д. Пряхин, И. Б. Шрамко, А. П. Медведев, А. Г. Бандровский, В. В. Колода, С. Б. Сорочан подвели итоги работы конференции. Были высказаны пожелания и критические замечания в адрес организаторов и участников форума.

*С. В. Дьячков, С. И. Берестнев, К. Ю. Пеляшенко,
Д. В. Грибанов, А. Н. Токарев, В. В. Колода, А. Н. Домановский*

